

Наверное, опять из-за домашних неурядиц хандришь. Если курение хоть немного облегчает тебе душу, то хочешь — кури.

Гу Цы с удивлением посмотрел на Шэнь Мо и неуверенно переспросил:

— Тогда я закурю?

Шэнь Мо раздраженно бросил:

— Сказал же: кури, если хочешь. Чего столько лишних слов? Ждешь, что я тебе еще и прикуривать буду?

Шэнь Мо, обычно отличавшийся мягким нравом, всякий раз при виде Гу Цы терял самообладание: его эмоции то и дело взлетали и падали, словно морские волны.

Гу Цы втянул голову в плечи:

— Ну что ты, как я посмею просить нашего старосту прикурить мне сигарету.

Он достал пачку, зажал сигарету пальцами и уже хотел поднести её к губам, но из вежливости решил уточнить:

— Будешь?

Шэнь Мо покачал головой:

— Сейчас не хочу.

Значит, иногда всё-таки курит? Гу Цы был слегка потрясен: староста, оказывается, тоже балуется табаком.

Гу Цы вставил сигарету в рот, щелкнул зажигалкой и с силой затянулся. В густых сумерках огонек сигареты казался особенно ярким. Шэнь Мо бросил на него взгляд — он впервые видел, чтобы Гу Цы курил. Раньше, как бы тот ни хулиганил, к табаку не прикасался. Неужели повзрослел?

Следя за тем, как красный огонек то вспыхивал, то гас, Гу Цы начал выпускать колечки дыма. Он даже решил похвастаться:

— Смотри, как ровно получается.

Колечки действительно были ровными. Шэнь Мо искоса взглянул на него:

— Такой большой парень, а всё ещё как ребенок.

Заметив, что Гу Цы до сих пор сидит на земле, он спросил:

— Ты ведь только что говорил, что замерз? Вставай, кури стоя.

Гу Цы не понял, почему Шэнь Мо заставил его подняться: какая разница, где курить? Но раз тот попросил — значит, надо. Он инстинктивно привык подчиняться словам Шэнь Мо. Однако ноги предательски затекли, и стоило ему попытаться встать, как он тут же плюхнулся обратно, больно ударившись мягким местом.

Шэнь Мо, вздохнув, протянул руку и помог ему подняться:

— Ты вообще хоть на что-то способен?

Гу Цы, ухватившись за руку Шэнь Мо, встал на ноги. Слышать от кого-то, что он «не способен» — для мужчины это удар по самолюбию. Он тут же решил показать, на что способен, и попытался изобразить боевой прием, но в итоге потянул поясницу.

Он понуро схватился за спину. Что с ним сегодня не так? Почему перед Шэнь Мо всё валится из рук?

Шэнь Мо, глядя на него, невольно усмехнулся:

— Всё, хватит клоунаду устраивать.

Он взглянул на часы: было уже за одиннадцать.

— Иди умывайся и ложись. Я пойду домой.

Услышав, что Шэнь Мо собирается уйти, Гу Цы поднял голову и посмотрел на него с такой жалкой мольбой в глазах, что сердце дрогнуло:

— После полуночи у меня день рождения. Побудь со мной, а?

Сегодняшняя встреча с Шэнь Мо была подобна машине времени, вернувшей его в шестнадцатилетний возраст. Никто из нынешнего окружения не видел его таким — внешне солнечным и веселым, а внутри хрупким и чувствительным. Впрочем, Шэнь Мо видел его всяким: и одетым, и раздетым — от него ничего не скроешь.

Днем снова приходил отец, скандалил, требовал у матери денег. С тех пор как они поженились, филиалом корпорации Гу управляла мать, а отец получал лишь фиксированное пособие. Он умел только транжирить, а теперь, когда пришел просить денег, это означало лишь одно: нужны средства на содержание любовницы и внебрачного ребенка. Раньше он воровал втихаря, а теперь перешел к открытому грабежу.

Из-за этого настроение Гу Цы было на нуле. Впервые в жизни он поднял руку на отца — тот

схватился за кухонный нож и угрожал убить мать. Раньше отец всегда бил его, но в этот раз Гу Цы не стерпел. Он отправил мать с младшим братом прочь, и когда отец бросился следом, сбил его с ног одним ударом. Гу Минчэн явно не ожидал, что сын посмеет дать отпор, и теперь валялся во дворе, заливаясь криками.

Этот поступок окончательно похоронил образ отца в глазах Гу Цы. Всё же, помня о родственных узах, он не стал вызывать полицию, а позвонил в один из частных пансионатов, принадлежащих корпорации Гу, чтобы отца увезли и на время изолировали.

Гу Минчэн окончательно потерял всякий стыд и, когда его уводили, осыпал сына отборной бранью, не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Гу Цы закрыл уши и про себя твердил: Не слушай, не слушай, это просто лай бродячей собаки, не обращай внимания, всё это вернется тебе самому.

Проводив отца, он позвонил матери и сказал, что путь свободен, но в ответ услышал, что они уже в аэропорту и улетают за границу, чтобы переждать бурю. Мать добавила, что братишка сильно напуган, и ей нужно развеяться с ним.

В разговоре он держался стойко, но, повесив трубку, почувствовал, как к горлу подкатил ком. Они даже не позвали его с собой? Он тоже был ранен, ему тоже требовалась забота и поддержка семьи. А завтра день рождения, и они вот так просто уехали.

Вечером он хотел напиться, чтобы заглушить душевную боль, но встретил того наглого подонка — и как раз кстати, выместил на нём злость. А когда увидел Шэнь Мо, человека, который знает все его неприглядные стороны, ему вдруг захотелось просто опереться на кого-то.

Шэнь Мо смотрел на Гу Цы, который сейчас выглядел как немецкая овчарка с опущенными ушами.

— А где твой друг? Почему он не с тобой?

Гу Цы потупил взгляд:

— Он не знает, что у меня день рождения. Я перестал отмечать его после первого класса средней школы.

Всё равно дома никому до этого дела нет, так какой смысл? Цинь Сяо спрашивал, но Гу Цы не хотел отвечать: если даже родители не радуются его появлению на свет, зачем ему праздновать этот никчемный день?

Стоило Гу Цы заговорить о своей семье, как Шэнь Мо не смог отказать ему:

— Ладно.

Гу Цы просиял и вновь заулыбался беззаботно. Он взглянул на часы:

— Через пять минут полночь. Будет салют.

— Какой ещё салют? — удивился Шэнь Мо.

— Я заказал.

Через час после того разговора по телефону он решил подарить себе грандиозный праздник. Раз никто другой не хочет его поздравлять — он сделает это сам. И заказал шоу фейерверков.

Шэнь Мо посмотрел на него: вроде же не собирался отмечать? А уже салюты запускает. Но раз уж пообещал — придется сидеть и смотреть.

Ровно в полночь на фасаде знакового небоскреба города С. засияли огни: «С днем рождения, Гу Цы!», а рядом вспыхнуло огромное сердце.

Шэнь Мо нахмурился: «Не слишком ли громко?» Теперь об этом празднике знает полгорода.

В ночное небо один за другим взмывали фейерверки, рассыпаясь яркими искрами. Небо, которое еще минуту назад было темным и беззвездным, теперь расцвело красками.

Шэнь Мо давно не видел салютов. Сначала он смотрел с интересом, но прошло уже полчаса, а шоу всё не заканчивалось. Ночной ветер был холодным. Шэнь Мо посмотрел на Гу Цы, который заворуженно смотрел в небо, и спросил:

— Может, зайдем в дом?

Всё равно через панорамные окна гостиной вид будет не хуже. Гу Цы решил, что Шэнь Мо уже насмотрелся и хочет уйти, и снова понурил голову, вцепившись пальцами в подлокотник кресла:

— Если хочешь идти — иди, ты и так пробыл со мной достаточно долго.

Шэнь Мо лишь опешил: «Я же не говорил, что ухожу. Почему он снова принял такой вид?» Шэнь Мо всегда любил собак, и этот образ брошенного пса, который вот-вот останется один, просто не давал ему покоя.

— Я не говорил, что ухожу. Просто замерз. Пойдем внутрь, а?

Гу Цы мгновенно повеселел и энергично закивал:

— Хорошо, конечно!

Как только они вошли, Гу Цы чихнул и потер нос: неужели простудился? Шэнь Мо налил ему горячей воды — она была теплой и приятной на вкус. Гу Цы взял кружку и случайно коснулся пальцев Шэнь Мо. Тот не придавал этому значения, но короткое прикосновение и тепло, исходящее от кружки, мгновенно растворили всю дневную обиду.

Шэнь Мо заметил, что парень замер с кружкой в руках, и напомнил:

— Пей давай, а то остынет.

Гу Цы залпом выпил воду, чувствуя, как тепло разливается по всему телу. На улице он тоже мерз, но привык терпеть.

За окном салют продолжался. Шэнь Мо уже начал клевать носом от сонливости: сколько же денег этот парень потратил? Час прошел, а шоу всё не заканчивается. Шэнь Мо редко ложился поздно и теперь едва держался. Он свернулся калачиком на диване, сознание медленно угасало, и в конце концов он, склонив голову, уснул.

Через полтора часа салют наконец закончился. Огни на небоскребе погасли, и ночное небо снова погрузилось в темноту. Гу Цы почувствовал досаду: так быстро всё закончилось. Столько денег на ветер — и так недолго. Он повернул голову к Шэнь Мо и обнаружил, что тот спит.

Гу Цы почесал затылок: неужели было так скучно?

<http://bllate.org/book/21845/2265077>